

Глеб Иванович Успенский

Первая квартира

Столичная беднота

Глеб Успенский

Первая квартира

«Public Domain»

1867

Успенский Г. И.

Первая квартира / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1867 — (Столичная беднота)

«...Рассказ написан на материале наблюдений Успенского в Москве, где он жил в течение 1862–1863 годов. В своей автобиографии Успенский помечает: «Жил я у одной *madame*, где были швеи. Один из рассказов касался этого времени». Началом творческого замысла этого произведения надо считать декабрь 1863 года (очерк «Ночью», из второй части которого писатель и создал настоящий рассказ, появился в январской книжке «Русского слова» за 1864 год). ...»

© Успенский Г. И., 1867

© Public Domain, 1867

Глеб Иванович Успенский

Первая квартира

(Из записок пролетария)

...Претерпев множество неприятных и комических столкновений, неизбежных для провинциала, впервые попавшего в такой запутанный город, как Москва, я, наконец, нашел себе маленькую работу и отыскал столь же маленькую, как и работа моя, комнату. Между множеством разного рода неряшливых и непривлекательных съемщиц, которых приходилось видеть мне во время поисков квартиры, Марья Петровна, теперешняя моя хозяйка, могла смело первенствовать. В пользу ее опрятности говорило, во-первых, то, что она считала себя «мадамой», то есть содержательницей белошвейной мастерской; во-вторых, то, что она была чиновницей, супругой театрального чиновника; в-третьих, она была молода и, наконец, в-четвертых, водила знакомства с благородными семействами и в особенности с благородными мужчинами.

Все эти качества, неизвестные мне в первый момент посещения ее квартиры, не имели, однако же, той чарующей силы, которая бы могла уничтожить во мне дурное впечатление ее фигуры. Это была молодая, но истрепанная личность с редкими и едва даже не облезлыми волосами. Я ее застал в самом растерзанном утреннем костюме и тем ввел, повидимому, в неописанный ужас. Желая поправить очевидно невыгодное впечатление, произведенное ею на меня, она старалась прикинуться наивною девочкою, улыбалась, куталась в изодранную блузу и не упускала при этом случая распахнуться и пощеголять тощими прелестями собственных плеч и рук. Быть может, я бы снова пустился на поиски другой квартиры, но комнатка, которую показала мне эта мадам, понравилась мне, была недорого, удобна, и притом же тот дом, где работал я, был отсюда недалеко. Я остался.

Комнатка эта находилась на антресолях; здесь же помещалась мастерская, битком набитая швеями; и в то время, когда хозяйка показывала мне комнату, молодые лица их с особенным вниманием и улыбками рассматривали в полуотворенную дверь нового жильца.

Жилец был рад такому соседству, потому что любил деревенские песни, а здесь надеялся услышать их в изобилии, ради чего в тот же вечер и перебрался на московскую квартиру.

Окончив работу, я в тот же вечер сидел в своей комнате на подоконнике: окна были какие-то маленькие, квадратные, лепились почти около пола, как обыкновенно бывают окна на антресолях, и поэтому для того, чтобы увидеть хоть клочок неба, необходимо было садиться на подоконник.

Стоял душливый летний вечер. Кусочек неба, который выглядывал из-за крыш огромных домов, был какого-то грязно-желтого цвета; московская пыль тучей стояла над городом и застилала небо. Из переулка и с улицы доносился треск колес. На дворе кто-то пел. Я высунул голову в окно. На коридоре нашей квартиры, углом поворачивавшем от кухни, на растворенном окне сидели все швеи госпожи Поляковой, моей хозяйки, и вели разговоры. Заметив меня, – они замолкли; но через несколько времени разговоры начались снова, только немного тише.

– Я б ему за это показала! – храбро говорил молодой голос. – Барские помои!.. Ежели б он так со мной, как с Дуняшей...

– Молчи! – прервал шопотом другой голос, по всей вероятности голос Дуняши.

– Сластеха этакой! – продолжала первая.

– погоди, попадешься и ты, – заметила кухарка, что я узнал по грубому голосу, который слышал утром.

– Я-то?

– Ты! И ты попадешься!

– Ну это вот! видишь вот это? Это вот на-ко...

– Ладно!.. Твой век, Татьяна, не очень-то долгод – продолжала кухарка. – Будь ты в этом покойна, и даже так, что совсем твой век короток!..

Татьяна захрабрилась пуше прежнего.

Она просыпала в ответ такое множество слов, и притом так скоро, что я ровно ничего не мог расслышать хорошенько, но из храброго тона ее голоса я, впрочем, мог смело заключить, что Татьяна твердо верит в свой долгий век. Храбрые речи свои она закончила каким-то отрывистым смехом, тотчас же звонко затянула какую-то песню и вдруг бросилась за кем-то по коридору «догонять». Через минуту слышно было, как бегущие «строчили» по лестнице. Они выбежали на двор и принялись ловить друг друга, оглашая внутренность двора звонким смехом.

На окне в коридоре остались Дуняша и кухарка Акулина. Они долго молчали. Акулина, почесывая голову, зевала и неизвестно у кого спрашивала: «который-то теперича час?» Затем через несколько времени, удовлетворяя собственному любопытству, так же сонно отвечала себе;

– Теперь, надо быть, час девятый!

И успокоивалась.

Дуняша вздыхала, но вздыхала так, что решительно не было возможности сделать какую-нибудь связь между этим вздохом и тем проступком против нее кого-то, про который упомянула Татьяна: что-то вялое, неопределенное слышалось в ее вздохе.

– Поди, жильцу-то самовар пора? – лениво заговорила Акулина.

– Ты понесешь? – спросила Дуняша...

– Да хоть и ты... неси!..

– Сём я? Кто такой: скубент какой-нибудь?..

– Куды-то ходит... Говорит, отсюда близко... Бог его знает...

– Мы, Акулинушка, – вяло говорила Дуняша, – мы вместе самовар-то понесем?

– Ну кштож!.. Кто его знает! Сразу человека не распознаешь... Чужой человек, кто он? Бог его знает...

Кухарка и Дуняша зевали и почесывались. Дуняша попрежнему вздыхала каким-то звонким вздохом.

– Которого человека и знаешь, да и то надумаешься...

– И-и ка-ак!

– То-то и есть! Вот Андрюшка твой!..

– Выжига! – перебила Дуняша...

– Выжига! А был, небось, не выжига!.. Кажется, не один день знала, а когда вполне оказался! то-то и есть!.. Понесем самовар-то... О-ох, батюшки, что-то меня мутит как... Бери... тьфу, господи, то бишь, неси чашки-то! О-о-ох!

Кухарка и Дуняша исчезли; исчезли, впрочем, медленно. Дуняша, поднимаясь с подоконника, не упустила случая вздохнуть.

Я стал ждать посещения. Сидя попрежнему на подоконнике, я слышал, как в кухне, находившейся под моей комнатой, постоянно хлопала дверь и швеи толпами возвращались сюда из коридора; они разговаривали, звонко смеялись, затягивали песни. В промежутках этих разговоров и смеха слышался грубый голос Акулины, раздававшийся всякий раз, как только труба самоварная грохалась обземь, чему в особенности способствовала непрерывная беготня посетительниц. В ответ на суровые предостережения Акулины раздавался смех, еще более громкий и дружный, снова затягивалась песня, и все шло по-старому. Должно быть, благодаря этому и постоянно обрушивавшейся трубе самовар прибыл ко мне очень поздно, но зато вместо двух гостей, которых я ожидал, к моим дверям подвалила целая ватага.

Посещение это я, впрочем, предвидел, потому что по говору и шлепанью по лестнице ног чуял, что «грядет сила несметная». Среди затаенного шопота и смеха слышалось звяканье чашек, шипенье самовара и голос Акулины, усовещивавшей кого-то нести свечу на виду. Затаенная тишина приближавшейся толпы перерывалась чьим-нибудь ударом по платью, звонким смехом и падением с лестницы. Наконец все затихло перед моими дверями.

– Фу, батюшки! – слышался вздох Акулины. – Танька, отвори дверь! отвори, что ль!..

Никто почему-то не исполнял ее приказаний. Слышалось фырканье.

– Дуняша, отвори ты!

Но и Дуняша не отворяла.

– У-у, бесстыжие! – зарычала Акулина, толкая дверь ногою, – нашли место хихикать! О господи! Отворите, сделайте милость! – обратилась Акулина, невидимому, ко мне, потому что говорила особенно ласково и звонко. Я исполнил ее просьбу, потому что и сам сделал бы это с первого слова Акулины, обращенного к своим спутницам насчет двери, если бы не казалось мне, что дверь отворится сию минуту; кроме того, я решительно не знал, почему *они* не хотят отворить.

– Покорнейше благодарю-с! – возгласила Акулина, появляясь в комнату с самоваром. – Сделайте милость, уж извините... Обеспокоились. Наши девки, дуры, испугались...

– Чего же?

– Да ведь нешто они понимают!.. Ну, жилец новый... Бог его знает... и бояться!

Акулина поместилась у притолоки и очевидно желала со мною познакомиться.

– У нас вам будет покойно, – заговорила она тихо. – У нас тихо... Шуму это, гаму – нет...

Песни иной раз девки запоют – это разве. Да и то запретесь, не слышать.

Я возился около самовара, слушая Акулину. Между тем дверь начала приотворяться; явились две-три физиономии слушательниц.

– Эта комнатка у нас счастлива, – продолжала Акулина, – не пустует, любят. У нас покойно... Потому у нас тихо и никогда чтобы чего-нибудь... Всё больше чиновники живут... Скубенты, случается... Но редко... Всё чиновники больше. Вы какие будете?..

Я сказал, что служу.

– А-а-а... чиновники! так-так... Вот у нас жил чиновник тоже... Кузьмичев... Не знаете?

– Нет, не знаю...

– Их ведь много, не узнаешь всех-то...

Дверь отворилась совсем почти; слушатели теснились у стены в темноте.

– А то, – оживляясь, заговорила Акулина, – был у нас один жилец, – так это уж только одно удивление, что за жилец такой!.. В первый раз в жизни я такого и видела... Сумашеччий, что ли, он или уж, бог его знает, какой такой! Чиновник...

– Он не служил! – послышалось из темноты.

– Отставной-с! За это сумасшествие его, надо быть, и отставили... И что только он делал! Бывало, все животики надорвешь!.. Иной раз, слышь, зовет меня... Придешь к нему, а он: «Акулинушка, говорит, есть у меня хвост?» – «Да и какой еще большой», говорю. Просто смехи – смехи неописанные! Ну и виномшибко зашибал.

– Это Солошин жених! – раздалось робко в темноте.

– Что такое Солошин? Еще что?

– Обнакновенно твой! полно отпираться-то!.. Ишь!..

– Стыдно!

– Хе-хе-хе! – засмеялась Акулина... – Шутят!..

– Он ей, – продолжали в темноте, – ковригу хлеба в именины подарил.

– И чемодан!

– Ври!

– Ты-то не ври!.. Ты больше знаешь!

– Кому знать, как не тебе? А вот я сейчас про Андрюшку...

Очевидно было, что кому-то зажали рот на полслове.

Беседа в подобном роде тянулась долго, и знакомство наше быстро двигалось вперед. Разговоры в темноте к концу визита Акулины шли во всеуслышание, хотя разговаривающие и не решились показать своих физиономий.

Акулина долго рассказывала про своих жильцов. Когда запас материала, с которым она считала нужным меня познакомить, истощился, она снова, для округления беседы, свела речь на теплоту и всякие удобства квартиры, очень обстоятельно объяснила, каким образом нужно «кликать» ее, Акулину, если понадобится что-нибудь или когда нужно в лавочку послать. Все это она вызывалась сделать с величайшим удовольствием.

– А за сапоги, – заключила она, выступая на лестницу: – за сапоги, когда почистить случится, там уж как-нибудь... что пожалуете! Приятного сна вам! Покойной ночи!

* * *

Дальнейшее знакомство мое с хозяевами и другими сожителями продолжалось не в такой уже степени быстро, как в первый день переезда. Большею частью я дома не бывал, забегая только на минутку, чтобы выкурить папиросу, отдохнуть, полежать минуту, и уходил опять. Этими короткими минутами и ограничивались все мои отношения к соседям и хозяйке. Хозяин и хозяйка были люди примерные во всех отношениях. Ни малейших столкновений даже «на словах», – что уж совершенно неизбежное явление вообще в супружеской жизни, – между ними и помину не было. Обстоятельство это было тем удивительнее, что для семейных столкновений у хозяев моих были весьма основательные поводы: и муж и жена имели «на стороне» множество историй, не приличных званию супругов. Сальная и постоянно заспанная физиономия супруга, поздние возвращения домой, преимущественно не в весьма полном рассудке, говорили очевидно против него. С своей стороны, по части отлучек не отставала и супруга. Но все это делалось по общему согласию, и вот отчего не было ни столкновений, ни ссор.

Поднималась хозяйка обыкновенно часов в двенадцать и тотчас принималась за туалет, в то же время не упуская случая показать, что она *мадам*: громко, как может кричать сердитая баба, кричала она на мастериц и иногда выбегала из своей комнаты в мастерскую, давала пощечину кому следует и снова возвращалась к туалету. Часто за моими дверями слышался робкий плач. Удары и пощечины приходились преимущественно на долю двенадцатилетней девочки Ани, которая была еще *ученица*, следовательно, по одному уже принципу Марии Петровны требовала пощечин. Ради этого Аня всегда ходила с опухшей щекой или губой, красными глазами и лицом, измазанным черными засохшими потоками слез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.